

Grzegorz Przebinda
Kraków

ПЕЩЕРА ГОГОЛЯ И ДОСТОЕВСКОГО, КАК ЕЕ ВИДЕЛ БОГОСЛОВ ПАВЕЛ ЕВДОКИМОВ¹

Павел Евдокимов (1901–1970) родился в Санкт-Петербурге, учился в Киевской духовной академии, а свои важнейшие богословские труды написал по-французски в Париже. На III сессию католического II Ватиканского Собора был приглашен как наблюдатель, представлявший Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже. Он известен в Польше как автор фундаментального труда *Православие* (три польских издания, 1964, 1986 и 2003) – чтения, необходимого всякому, кто хочет понять богословие и духовность православной Церкви. То же касается его блестящих работ – *Женщина и спасение мира*, изданной в Польше доминиканцами (1991), и *Искусство иконы. Богословие красоты*, которую перевели и издали у нас мариане (2006). С 1996 года существуют по-польски еще два других существенных труда Евдокимова – *Столетия духовной жизни от отцов пустыни до наших дней* и *Познание Бога в восточной Церкви*².

В книге *Гоголь и Достоевский, или Спуск в бездну*³, только что, сорок с лишним лет спустя после выхода оригинала, опубликованной на польском языке, он взялся за труд научить «правильному прочтению» творчества Гоголя и Достоевского.

¹ Это расширенный вариант текста, который впервые был опубликован в журнале «Новая Польша» 2003, № 7–8 (44), в переводе Натальи Горбаневской.

² Книги Евдокимова в польских переводах: 1. *Prawosławie*, Warszawa 1986, перевод J. Klinger; 2. *Kobieta i zbawienie świata*, Poznań 1991, перевод E. Wolicka; 3. *Poznanie Boga w Kościele Wschodnim*, Kraków 1996, перевод M. Tarnowska, wstęp: W. Hryniewicz OMI; 4. *Poznanie Boga w tradycji wschodniej. Patrystyka, liturgia, ikonografia*, Kraków 1996, перевод A. Liduchowska; 5. *Wieki życia duchowego od ojców pustyni do naszych czasów*, Kraków 1996, перевод M. Tarnowska, wstęp W. Hryniewicz OMI; 6. *Szalona miłość Boga*, Białystok 2001, перевод M. Kowalska; 7. *Sztuka ikony. Teologia piękna*, Warszawa 2006, перевод M. Żurawska. В последнюю декаду появилось также много книг Евдокимова по-русски – *Женщина и спасение мира. О благодатных дарах мужчины и женщины* (Минск, 1999, второе изд. 2007, пер. Г. Кузнецовой), *Православие* (Москва 2001, пер. С. Гриба), *Этапы духовной жизни. От отцов-пустынников до наших дней* (Москва 2003, предисловие Оливье Клемана, пер. С. Зайденберга и М. Иорданской), *Искусство иконы. Богословие красоты* (Клин 2005, пер. иеромон. Димитрия (Захарова) и Е.Л. Майданович), *Таинство любви. Тайна супружества в свете православного Предания* (Москва 2008).

³ P. Evdokimov, *Gogol i Dostojewski czyli zstąpienie do otchłani*, tłum. A. Kunko, Wydgoszcz 2002. Эта работа была впервые опубликована в 1961 году по-французски. По-французски написаны также *Православие* (1959), *Искусство иконы. Богословие красоты* (1972), *Женщина и спасение мира* (1978) и др.

Речь идет не о чтении в обычном смысле слова, но о богословском истолковании конкретной литературы в духе отцов Церкви. Как пишет свящ. Генрик Папроцкий, автор вступления к польскому изданию: «Достаточно лишь преодолеть расхожие, приземленные мнения о Гоголе и Достоевском, чтобы вознестись на вершины духа, откуда открывается совершенно иная панорама, нежели из мышиной норы или из пещеры Платона»⁴.

Богословам такое говорить легко. Им не приходится слишком долго мучиться и скучать в «пещере чтения». Им достаточно построить свое истолкование на твердой почве религиозных убеждений. И какое им дело, что такая «твердая почва», основа мировоззренческого оптимизма по отношению к повседневному и трансцендентному, не была известна ни Гоголю, ни Достоевскому?

Сатанинские суры Гоголя

Обоих писателей объединял прежде всего совершенно иррациональный или, говоря языком автора *Братьев Карамазовых* – неевклидов способ понимания человека и космоса, связанный с мощной верой в существование не только Бога и рая, но также дьявола и ада. Поэтому общим у них был страх перед смертью и адскими муками и уверенность в том, что дьявол активно участвует в повседневной жизни человека. Рассуждения об inferнальном аспекте творчества Гоголя как раз и составляют самую интересную и полную открытий часть книги Евдокимова.

«Всю свою жизнь, – пишет он, – Гоголь хотел только петь гимн небесной Красоте, но так же, как св. Антоний, он видел одни свиные рыла, устремленные на него, бесов, марширующих шеренгами, и ворота, уже готовые открыться навстречу ужасающей вести ревизора Божия, грохоту Господня: «Dies irae, dies illa»...»⁵. Это видно уже в украинских повестях, где люди и бесы – существа одного и того же покроя и сорта. А самая замечательная хитрость дьявола – уверить нас, что он не существует.

Однако сатана не только существует, но и действует – правда, исключительно посредством человека. В *Портрете* мы встречаем его у Гоголя под видом ростовщика, который заказывает художнику свой портрет, требуя, чтобы он выглядел «как живой». На портрете, написанном в муках, хоть и недоконченном, видна натуралистическая фигура сатаны с выразительными глазами, вошедшего в мир по умыслу подавшегося искушению художника. Повсюду, где появляется эта картина, она сеет разрушение и распад. Первой жертвой портрета станет талантливый живописец Чартков, юноша, соблазненный бесом моды и заурядности. Сначала он идет купить себе славу у редактора одной газеты. Тот за десять червонцев публикует статью *О необычайном таланте Чарткова* – по сути дела апологию живописных штампов и подхалимства перед лицом человеческой тщеты. Ибо надо удовлетворить и некрасивую женщину, и отца семейства с кучей благодарных по-

⁴ Кс. Н. Paprocki, *Rozpacz czy nadzieja*, [в:] P. Evdokimov, *Gogol i Dostojewski...*, с. 26.

⁵ P. Evdokimov, *Gogol i Dostojewski...*, с. 38.

томков, гражданина, офицера, государственного мужа с орденом на груди, купца с набитым бумажником.

Другой сатанинский мотив Евдокимов находит в повести *Шинель*. Заглавная шинель исполняет здесь роль материального соблазна. Она составляет эрзац религиозной потребности, доводит до безумия Акакия Акакиевича, который после потери шинели умирает с кощунством на устах («сквернохульничал»). А повесть *Нос*, которую многие критики и по сей день считают гоголевской сатирой на петербургское мещанство? Евдокимов и здесь сумел обнаружить дьявольский и даже антихристов аспект. Гоголь придавал большое значение дню действия произведения. В конце концов выбрал 25 марта, то есть Благовещение, великий праздник у русских православных. «В этот день никто не работает, все идут в церковь на богослужение. Нос исполняет традиции и идет в собор. Он проезжает через полный народу Невский проспект, а его коляска выглядит триумфальной колесницей. [...] Нос едет как тот, у кого в руках власть над миром сим, но еще остается святое место Церкви. [...] Это и есть ключ ко всему рассказу»⁶. Евдокимов обращает внимание на апокалипсический аспект этой сцены, с пародией на день Благовещения и с псевдоблагочестием антихриста. Внимательный читатель заметит схожие мотивы, хотя представленные Гоголем еще более прикровенно, как в *Ревизоре*, так и в *Мертвых душах*. Вот Хлестаков, воплощенный лжец, напоминающий дьявола в сюртуке... Вот Чичиков, позитивист и философ пошлости, бормочущий себе под нос: «Души куплю, мертвые души...» Так же, как и эпизодический старьевщик из *Невского проспекта*, который «дребезжал козлиным голосом: „Старого платья продать!“».

Очень интересны те разделы работы, где Евдокимов возражает избитым истолкованиям творчества Гоголя в духе традиционного реализма: «Гоголевские типы не представляют ничего ни из системы крепостного права, ни из круга помещиков или чиновников в России XIX века. Это метафизические типы, которые существуют повсюду и всегда»⁷. Черты у Гоголя часто обретали гражданский статус именно через сонные видения литературных фигур. Пискарев погрузится в чертовы бездны после того, как случайно встретит на Невском проспекте женщину с божественными чертами лица, на самом же деле затронутую тленным веянием разврата. Прежде чем хватить себя по горлу бритвой, он будет призывать ее образ во сне, купленном ценой опиума у таинственного перса. Вышеупомянутый Чартков из *Портрета*, прежде чем как художник продается дьяволу пошлости, тоже переживает сонный кошмар, во время тройного драматического пробуждения искушаемый ровно уложенными пачками червонцев.

Под конец жизни Гоголь предпринял путешествие в Палестину. Он желал избавиться от разрушительных приступов уныния, не подобающих христианину состояний мрачной угнетенности духа. Утешения он, однако, не обрел и писал с дороги В.А. Жуковскому о пережитой им в Святой Земле иссушенности души и близости искусителя. Евдокимов добавляет: «Рассеянным жестом он срывает цветы, как мог бы это делать на каком угодно поле и всё равно когда. В Назарете, застигнутый

⁶ Там же, с. 99–100.

⁷ Там же, с. 167.

дождем, он два дня бездумно проводит в городе, где ведет себя, как на глухом полустанке в России, ожидая поезда»⁸.

Архаическое богословие Гоголя

Ни Достоевский, ни Гоголь не сумели написать, хотя очень того хотели, финальные части своих крупнейших метафизических произведений. Гоголь в муках творил второй том *Мертвых душ*, чтобы в отчаянии бросить его в огонь. И Достоевский, о чем теперь уже мало кто помнит, планировал написать продолжение *Братьев Карамазовых*. Его героем в противостоянии Ивану, демоническому главному герою первой части, должен был стать ангелоподобный Алеша. Не вышло ни у Гоголя, ни у Достоевского. Задача была нелитературной.

Евдокимов относится к этому совершенно по-другому, ибо толкует и оценивает всё творчество Гоголя в контексте его серьезных богословских рассуждений, заключенных в *Выбранных местах из переписки с друзьями*. Они содержат почти классическую картину архаически-патриархального христианства в духе московского *Домостроя* XVI века – с добрым царем и справедливыми помещиками. Власть царя, говорит Гоголь в *Переписке*, не имеет смысла, если царь не считает себя образом Божиим. Евдокимов одобряет эту мысль, прибавляя, что царская власть должна быть не «властью меча», но «властью сердца и милосердия»⁹. А речь шла, напомним, о хорошо известном Европе и Польше императоре Николае I. Во второй, незаконченной части *Мертвых душ* Гоголь рисует фигуру губернатора, который сотрудничает с православными священниками и рассылает по департаментам экземпляры Библии. Мог ли такой роман кому-нибудь удалиться? Гоголь знал, что делает, когда бросал недоконченную рукопись в огонь. Тут не справился бы и Достоевский.

Евдокимов, разумеется, видит неуклюжую мертвечину многих эстетических высказываний позднего Гоголя, его «неудачные формулировки», «незаконченные мысли», «пророческие характеры», «нетерпеливый оптимизм»¹⁰. Однако считает, что всё это бралось от чрезмерного индивидуализма писателя и его «неукорененности в еkkлезиальной общине»: «Он не консультировался с Церковью, не проверял свои взгляды и свое учение ни у одного духовного авторитета. [...] Гоголь во всем самоучка, но не находит в себе вдохновения и руководствуется лишь беспорядочным чтением и весьма индивидуальными религиозными убеждениями. [...] Вера в собственное призвание заменила компетентность»...¹¹. Если бы дело обстояло иначе – а именно таков подтекст рассуждений Евдокимова, – Гоголь, вероятно, добился бы своего, его христианство стало бы ортодоксальным, и он бы наверняка написал второй том *Мертвых душ*, в котором и сатана Чичиков был бы обращен и спасен.

⁸ Там же, с. 162.

⁹ Там же, с. 151–152.

¹⁰ Там же, с. 146.

¹¹ Там же, с. 123–124.

Да вправду ли? Сам ученый пишет, что Гоголь в последние годы жизни утратил свою прежнюю сократовскую иронию. А без этой иронии не возникло бы ни одного его рассказа, романа или пьесы, ни прежних, ни тех, что так и не были написаны. Объясняя художественное поражение позднего Гоголя, нужно отказаться от всех ссылок на ортодоксальность или неортодоксальность писателя. Ничему не помогает и проводимое Евдокимовым сравнение его высказываний с мнениями многочисленных отцов Церкви. Просто-напросто истлел талант писателя и, к сожалению, истошилось его воображение.

Смерть была последним аккордом творчества Гоголя. С описания кончины писателя начинается рассуждения о нем Владимир Набоков в *Лекциях по русской литературе*¹². Гоголь умер в Москве 4 марта 1852 г., не дожив до 43 лет. Он был крайне истощен, его мозг подвергся анемии от острого голодания, которое он навязал себе после приступов черной меланхолии и новых сатанинских видений. Он опять хотел сражаться с дьяволом – и больше не собирался его обратить.

Достоевский – утешитель?

Перед лицом подобных гоголевских инферналий Достоевскому в труде Евдокимова предстояло сыграть роль утешителя. Сам ученый говорит об этом: «Талант описывать добро в его живом существовании – это как раз тот дар, что был отвергнут Гоголем... Данте знал ту же самую трудность: его ад весьма достоверен, а рай – малоубедителен... Достоевский питается ужасающим опытом Гоголя и пользуется им [...] Это Гоголь после покаяния, Гоголь, избавленный от страха, возвращающийся на землю после ужасающего опыта смерти, чтобы осуществить предчувствие своей души... Достоевский знал благодать, знал Любовь, которая уничтожает всякий страх»¹³.

В согласии с этим, Евдокимов явно уклоняется от столь характерных для автора *Преступления и наказания* противоречий. Он представляет его эволюцию от социализма через религиозный скептицизм к христианству как линейный процесс. Но можно ли согласиться с тезисом Евдокимова о том, что после стольких лет отчаяния и неверия Достоевский в конце концов достиг в своем творчестве гармонии и синтеза? Почему в таком случае столь сильно и звучно раздается в его последнем романе крик Ивана, а так жалко и туманно – голос Алеши и старца Зосимы? Так считают не только «безбожники» и «подпольные люди», но и те исследователи и читатели Достоевского, которые стоят на стороне Сони Мармеладовой, князя Мышкина и Алеши Карамазова...

С цитатами из отцов Церкви в руках Евдокимов и в случае Достоевского на всё находит готовый ответ: «Если он не написал книгу pro Deo et contra Satanam в форме конструктивной апологии, то лишь потому, что истина Божия не нуждается в защите, она сама по себе наивысшая очевидность»¹⁴. «Более внимательный

¹² В. Набоков, *Лекции по русской литературе. Чехов, Достоевский, Гоголь, Горький, Толстой, Тургенев*, Москва 1999, с. 31–134.

¹³ P. Evdokimov, *Gogol i Dostojewski...*, с. 67.

¹⁴ Там же, с. 274.

анализ патристической глубины его произведений открывает необычайно верную ортодоксальность Достоевского»¹⁵. Если в одном из писем Достоевский написал, что следует верить в икону, так как она отражает Бога Невидимого, то Евдокимов тут же комментирует это в духе утешительной ортодоксальности: «Это в точности учение об иконах VII Вселенского собора и св. Иоанна Дамаскина»¹⁶. Однако сам Достоевский некогда сказал, что он не мастер колыбельных. В Польше это давным-давно привел Рышард Пшибыльский в книге *Достоевский и проклятые вопросы* (1964), одновременно написав: «Достоевский сам не хотел быть «утешителем душ», и поэтому не надо навязывать ему эту роль»...¹⁷ Не будем делать этого и мы, даже если нас уговаривает Павел Евдокимов – великий знаток патристики и истинного исповедания православной веры.

Покровитель христианской Европы?

Безмерность и бесконечность, вера в личное бессмертие, как говорил Достоевский, необходимы человеку для достойного существования и в брэнном мире. Потому-то, как продолжает Евдокимов, «пророк Исайя или апостол Павел – люди Европы»¹⁸. Этот вопрос остро стоит и сегодня, перед лицом споров о Боге и христианстве в объединяющейся Европе. Евдокимов утверждает, что свое важное место занимает в этом православная Россия. С этим нужно согласиться. Но можно ли принять следующий его тезис, согласно которому Достоевский мог бы быть одним из отцов такой Европы?¹⁹ Трижды нет!

Во-первых, ввиду нехристианских моментов, содержащихся в *Дневнике писателя*. Евдокимов пишет: «Каждый раз, когда публицист брал верх над художником, его взгляд оказывался затуманенным. [...] Идеи Достоевского о Константинополе, православной Церкви, Азии, русском мессианизме, немецкой дипломатии или войне в целом суть нечто преходящее»²⁰. Как мягко это сказано! А ученый говорит о произведении, где Достоевский выступает как отъявленный националист и популяризатор идеи великой Российской империи, враг немцев, поляков и евреев. *Дневник писателя* дает систематическое изложение тех взглядов, которые в *Бесах* провозглашает националист Шатов: «Никогда еще не было, чтоб у всех или у многих народов был один общий Бог, но всегда и у каждого был особый. [...] У всякого народа свое собственное понятие о зле и добре и свое собственное зло и добро»²¹. Отсюда, признаемся, одинаково далеко как до католической Европы, так и до православной России.

¹⁵ Там же, с. 288.

¹⁶ Там же, с. 296.

¹⁷ R. Przybylski, *Dostojewski i «przeklęte problemy». Od «Biednych ludzi» do «Zbrodni i kary»*, Warszawa 1964, с. 32.

¹⁸ P. Evdokimov, *Gogol i Dostojewski...*, с. 195.

¹⁹ Там же, с. 196.

²⁰ Там же, с. 244.

²¹ Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений в тридцати томах*, Ленинград 1972–1990, т. X: *Бесы*, Ленинград 1974, с. 199.

Во-вторых, Достоевский полностью отвергает культуротворческие – в том числе и в рамках христианской цивилизации – традиции Аристотеля и Канта. В этом его, кстати, поддерживает Евдокимов, когда утверждает, что Аристотель свел человека к «рациональной животности». «Золотая середина», «умеренное совершенство», «взвешенная добродетель» Аристотеля²², по мнению Евдокимова, противоречат истинной сути человека как создания с «чувствами», «страстями», «мечтами», «восторгом» и «ненавистью». Кант же, в свою очередь, в мире Достоевского и Евдокимова повинен в том, что конструирует «религию в границах разума», отводит человеческую мысль «от трансцендентного к имманентному». «Морализм Канта, – пишет Евдокимов, – логически доходит до имморализма Ницше»²³. В этом суждении о мыслителе из Кенигсберга, суждении поверхностном и несправедливом, я ощущаю несогласие как Достоевского, так и Евдокимова на поиски общей плоскости между верой и разумом. У Достоевского: «Разум и вера исключают одно другое»²⁴. Если бы, однако, так обстояло дело в действительности, следовало бы выбросить на свалку львиную долю интеллектуального наследия христианской Европы. Во имя чего же? Наверное не во имя мистического национализма Достоевского, пусть даже включающего элементы православия.

В-третьих, наконец, трудно смириться со столь догматически провозглашаемой, как это имеет место у Достоевского, связью этики с верой в загробную жизнь. В 1878 году он так писал в письме к читателю: «Теперь представьте себе, что нет Бога и бессмертия души (бессмертие души и Бог – это всё одно, одна и та же идея). Скажите, для чего мне тогда жить хорошо, делать добро, если я умру на земле совсем? [...]. А если так, то почему мне (если я только не надеюсь на мою ловкость и ум, чтоб не попасться закону и не зарезать другого), не ограбить, не обворовать, или почему мне, если уж не резать, так прямо не жить на счет других, в одну свою утробу?»²⁵. Однако можно ли такое жестокое убеждение приписать всем без исключения атеистам в мире? Что тогда делать хотя бы с теми гуманистами Европы XX века, которые Бога не принимали, не имели никакой надежды на жизнь будущую, а поступали, тем не менее, в согласии с христианской этикой? Мне всегда в таких ситуациях приходит на ум великий Альбер Камю. Неужели и ему не достало бы места в «христианской Европе» Федора Достоевского и Павла Евдокимова?

²² P. Evdokimov, *Gogol i Dostojewski*, с. 238.

²³ Там же, с. 283.

²⁴ Р.М. Достоевский, *Полное собрание...*, т. XXIV; *Дневник писателя за 1876 год, ноябрь–декабрь*, Ленинград 1982, с. 147.

²⁵ Там же, т. XXX, ч. 1: *Письма 1878–1881*, Ленинград 1982, с. 10.

Grzegorz Przebinda

Jaskinia Gogola i Dostojewskiego w interpretacji teologa Pawła Jewdokimowa

Streszczenie

W artykule podjąłem próbę krytycznej interpretacji książki prawosławnego teologa Pawła Jewdokimowa *Gogol i Dostojewski czyli zstąpienie do otchłani* opublikowanej po polsku czterdzieści jeden lat po wydaniu francuskiego oryginału (oryginał ujrzał światło dzienne w 1961 roku, a polskie tłumaczenie w 2002). Jewdokimow zapragnął nauczyć w swej książce „prawidłowego odczytywania” dzieła obu swoich tytułowych autorów, a nie chodziło mu przy tym o lekturę w sensie potocznym, lecz o teologiczną interpretację dzieła literackiego w duchu Ojców Kościoła. Pomimo bardzo wielu ciekawych spostrzeżeń ta interpretacja teologa ma charakter skrajnie ideologiczny, a dzieła literackie są niestety przez niego odczytywane głównie przez pryzmat ich zgodności z ortodoksją prawosławną. Gogol z tego punktu widzenia jawi się jako autor, który nie potrafił opisać dobra, jako że pozostawał w niezgodzie z nauką Cerkwi. Z kolei Dostojewski pełni u Jewdokimowa rolę pocieszyciela, oczywiście jako ten, który przeniknął do głębi ortodoksje prawosławną. W moim przekonaniu, czego starałem się dowieść w powyższym artykule, Jewdokimow nie miał racji w swych teologicznych interpretacjach ani w odniesieniu do autora *Martwych dusz*, ani w stosunku do autora *Idioty*.

Grzegorz Przebinda

Dostoevsky's and Gogol's cave interpreted by a theologian – Pavel Evdokimov

Summary

In the article I tried to critically interpret the work *Gogol and Dostoyevsky. Step into the Abyss* by an Orthodox theologian Paul Evdokimov. The book was published in Polish in 2002, 41 years after the original French edition released in 1961. Evdokimov's work was aimed at teaching the „proper interpretation” of Dostoyevsky's and Gogol's texts, which is supposed to have a deep theological and Orthodox character. This religious vision is often interesting yet highly ideological which results in impoverishment of both writers' works, reducing them to accordance with Orthodox ideology. Gogol is here described as being unable to portrait the Good because of his unorthodoxy, while orthodoxically correct Dostoyevsky is serving a comforter role. I do believe that Evdokimov was wrong in his interpretation of both *Dead Souls* and *The Idiot* authors' vision and that is what I try to prove in my article.